

FCIRXO

СОВРЕМЕННОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ СТОРОН: ОТ ВЗАИМОСВЯЗИ К ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЮ

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 15.12.2025 г.
Принята к публикации 12.02.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3
© Трунов Ф. О., 2026

В современных реалиях Германия и Швеция не только заметно нарастили военные расходы, но и стремятся резко укрупнить свои вооруженные силы, отличаясь этим от ряда стран НАТО. Важная цель милитаризации — вносить повышенный вклад в деятельность Альянса по «сдерживанию» России и тем самым реализовать свои лидерские устремления. При этом в сотрудничестве Германии и Швеции в сфере безопасности и обороны кооперация преобладает над конкуренцией. Статья исследует динамику и эволюцию содержания военно-политического сотрудничества ко второй половине 2020-х гг., особое внимание уделяет фактору вступления Швеции в НАТО (март 2024 г.). Методологически основу работы составили положения политического неореализма и теории строительства вооруженных сил. Исторически периоды наивысшего могущества двух государств не совпадали по времени. Как результат, стороны почти не вели масштабных войн друг против друга, что создавало благоприятный фон. ФРГ положительно воспринимала фактическое сближение Швеции с НАТО (с середины 1990-х гг.). Процесс приобрел возросшие масштаб и качество в условиях конфронтации Евроатлантического сообщества с РФ (с 2014 г.). Германия ужесточила «сдерживание» плавно и последовательно. В середине 2010-х гг. Берлин рассматривал еще как чрезмерно провокационное формальное вхождение Стокгольма в Альянс, донося видение до партнера через формат N3+1 (2014—2019) с участием североевропейских стран ЕС. С конца десятилетия ФРГ уже допускала, а затем стала активно поддерживать отказ Швеции от внеблокового статуса. На это указывали особенности работы площадки N5+1 (с 2019 г., с участием уже всех пяти государств Северной Европы) и двусторонних контактов на высшем уровне. В статье сравниваются модели запущенной милитаризации двух стран. Для Германии ценен опыт Швеции по возвращению призыва (с 2017 г.), что позволило существенно увеличить численность войск, особенно сухопутных. Раскрывается сотрудничество ВС при комплектовании сил передового развертывания (СПР) НАТО в Скандинавско-Балтийском регионе, география распределения нагрузки. Особый акцент сделан на рисках попыток блокировать Калининградскую область с востока, которые создает усиливаемая цепь контингентов двух стран в составе СПР. В выводах показаны причины гармонизации, которой Берлину и Стокгольму удалось добиться при координации своих военно-политических планов и действий, особенно под эгидой блока.

Ключевые слова:

Германия, Швеция, переговорные форматы, милитаризация, Балтийский регион, НАТО, «сдерживание», Россия, Калининградская область

Для цитирования: Трунов, Ф. О. 2026, Современное военно-политическое сотрудничество Германии и Швеции в контексте милитаризации сторон: от взаимосвязи к взаимодополнению, Балтийский регион, т. 18, № 1, с. 40–62, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3

В первой половине 2020-х гг. европейские государства — члены НАТО заметно ужесточили подходы к «сдерживанию» РФ. Резко возрос потенциал Альянса как организации [1; 2], особенно в передовой части его зоны ответственности [3]. Милитаризация на национальном уровне выражалась прежде всего в заметном увеличении военных расходов, разработке новых образцов вооружений, развитии профильных производств. Вместе с тем многие государства — члены НАТО, в том числе крупнейшие (США, Великобритания, Франция), существенно не наращивали численность своих вооруженных сил (ВС). Эта тенденция преобладала в Северной Америке, в Западной, Северной и Южной Европе¹. Исключение составлял ряд стран Центрально-Восточной Европы (прежде всего Литва, Польша), Германия и Швеция. ФРГ постепенно приступала к масштабному увеличению размеров ВС. Королевство Швеция к моменту вступления в НАТО (март 2024 г.) вышло на траекторию заметного роста численности личного состава².

Официальный Берлин сохранял положение крупнейшего после США комплектователя группировок НАТО³. В свою очередь, Стокгольм начал претендовать на аналогичную роль в Северной Европе. Однако параллелизм данных намерений порождал в основном не конкуренцию, а кооперацию. В условиях формирования нового миропорядка цель обеспечить его максимально возможную западноцентричность и особенно ориентированность на страны-участницы ЕС объединяла истеблишмент Германии и Швеции [4; 5, р. 3—6]. В обеих странах он состоял из приверженцев либеральных ценностей, в том числе мультилатерализма [6; 7]. Доказывая это на практике, Стокгольм, как и Берлин, старался вносить заметный вклад в многосторонние силы НАТО. Тем самым каждое из этих государств подчеркивало повышенные возможности по сравнению со многими другими европейскими странами Альянса и одновременно практическую полезность для них в условиях ужесточаемой конфронтации с Россией. Соответственно, прослеживалось стремление Германии, как и Швеции, увеличить свою роль в Евроатлантическом сообществе, то есть наличие лидерских амбиций. Для их реализации стороны развивали тесное сотрудничество друг с другом с взаимовыгодным распределением нагрузок.

Цель статьи — исследовать кооперацию Германии и Швеции в сфере безопасности и обороны по состоянию на середину 2020-х гг. Поставлены следующие задачи: осмыслить исторический фон отношений; рассмотреть систему политико-дипломатических контактов, особенно переговорных форматов; изучить современные стратегии милитаризации у Германии и Швеции; с учетом этого раскрыть тенденции сотрудничества их ВС.

Возможности сравнительного анализа использованы в статье для сопоставления функционирования форматов $N3 + 1$ и $N5 + 1$ с участием официальных Берлина и Стокгольма, их подходов к милитаризации на национальном уровне.

Методологически автор опирался на положения теорий политического неореализма (структурного реализма), а также строительства вооруженных сил. Главный тезис первой теории — внешняя политика может быть успешна, только если она отвечает ожиданиям других игроков [8, р. 92—93], — находила подтверждение на примере диалога Берлина и Стокгольма, проявляясь в последовательном старании сохранять поддержку партнера, демонстрируя учет его пожеланий и обеспокоенностей. Как ни парадоксально на первый взгляд, ФРГ стремилась к этому даже в большей мере. Спор о старшинстве мог менять формы (переходить в преимущественно

¹ Defence expenditures of NATO countries (2014—2024), 2025, Brussels, NATO, p. 13.

² Ibid.

³ Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen, 2022, Bundeskanzleramt, 07.06.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 19.11.2025).

латентные и наоборот), но в основе сохранялся в диалоге Берлина с большинством крупных европейских государств НАТО. Иллюстрацией тому служили отношения Германии с Польшей [9] или даже с Францией [10]. Поэтому ФРГ особенно нуждалась в поддержке от наиболее дружественных малых и средних партнеров по блоку, включая Швецию.

Теория строительства вооруженных сил рассматривает эволюцию их организационно-штатной структуры (создание, расформирование войсковых единиц, размещение за пределами границ страны) как индикатор фактических изменений приоритетов во внешней политике государства [11]. Данные положения востребованы при изучении стратегической активности как Германии, так и Швеции: обе запустили масштабную милитаризацию и одновременно резко увеличили объемы заграничного использования своих войск, особенно в Скандинавско-Балтийском регионе.

Отечественные и иностранные исследователи создали корпус работ, посвященный деятельности ФРГ на международной арене. В рамках ее североевропейского направления внимание чаще уделялось активности Германии в Арктике, отношениям с Норвегией [12; 13], а диалог с другим государством на Скандинавском полуострове освещен заметно слабее. Рассматривая стратегическую активность Берлина в Балтийском регионе, специалисты больше обращали внимание на взаимодействие Германии со странами Балтии (прежде всего с Литвой) и Польшей [9; 14; 15], чем со Стокгольмом [16, р. 3; 17, р. 4—6].

При изучении современной внешней политики Швеции эксперты главный акцент делали на процессе ее вступления в НАТО — изучались причины данного принципиального решения [18; 19, р. 3], особенности отказа от внеблокового статуса [20—23], последствия для безопасности, особенно РФ [24—26]. Притом эволюция межгосударственного диалога Стокгольма с большинством партнеров по блоку была в профильных работах периферийным сюжетом.

Источниковую базу исследования составили прежде всего находящиеся в открытом доступе документы военного и внешнеполитического ведомств Германии и Швеции, а также Ведомства канцлера ФРГ. Кроме того, использованы официальные материалы НАТО как организации. Это обеспечило значительный уровень верифицируемости положений работы. Данные источники содержат большой объем фактологических данных (в частности, статистических), что позволило создать объемную и достаточную детальную картину изучаемых сюжетов, без изъятий проследить ход и содержание контактов руководства двух государств.

Историко-политические тенденции отношений

Благоприятный фон для современного диалога во многом обусловлен тем, что периоды наибольшего могущества сторон в Новой и Новейшей истории хронологически не совпадали друг с другом. Как результат, потенциальное число войн, в которых Берлин и Стокгольм были бы противниками, невелико. Когда Швеция проходила эпоху великодержавия (1611—1721 гг., но во многом завершилась в 1709 г.), массив германских земель находился в состоянии феодальной раздробленности. В шведский (1630—1635) и франко-шведский (1636—1648) периоды Тридцатилетней войны ряд небольших и карликовых северогерманских государств поддерживали армию, созданную Густавом II Адольфом, считали ее гарантом свободы протестантского вероисповедания. По Вестфальскому миру (1648) Стокгольм включил в число своих владений часть Померании. Ее дважды в конце XVII — первой четверти XVIII в. в целом неудачно пытался занять Бранденбург, а затем уже Пруссия — Бранденбург. Стокгольм, который временно превратил Балтийское море

в свое «внутреннее озеро», главные усилия стал прикладывать к востоку от него. Показательна здесь Северная война 1700—1721 гг., в ходе которой Россия нанесла Швеции тяжелые поражения, ознаменовавшие завершение эпохи великодержавия королевства.

По итогам мощь и влияние Швеции оказались критически подорваны, что показал шведский вклад в войны в последующий век, вплоть до эпохи антинаполеоновских коалиций включительно. По итогам участия в последних (1815) Стокгольм передал Пруссии свои померанские владения (но получил Норвегию), чем оказался избавлен от участия в военных конфликтах за объединение Германии в 1864—1871 гг. Швеция де-факто с 1815 г., а де-юре с 1834 г. стала обозначить свой внешнеполитический курс как политику постоянного нейтралитета [18; 23]. На практике, однако, приверженность ему не всегда соблюдалась в полной мере. В Крымскую войну Швеция готовилась вступить в борьбу с Российской империей на стороне коалиции во главе с Великобританией и Францией (так называемый Ноябрьский трактат 1855 г.), но окончание боевых действий помешало этому. На фоне развития блокового строительства в Европе уже Второй рейх пытался заключить с формально нейтральной Швецией военную конвенцию (1910), побуждал Стокгольм к активному военному сотрудничеству на Балтике в годы Первой мировой войны [27]. Она, как и Вторая мировая, завершилась капитуляцией Германии. При этом в 1940—1945 гг. нейтралитет Стокгольма был дружественным по отношению к Третьему рейху. Помимо масштабных поставок железной руды (особенно востребованной для производства танков), Швеция разрешила использовать свою территорию для масштабных перевозок вермахта (прежде всего для нужд его группировки на Крайнем Севере) [18].

В Холодную войну ФРГ считалась органично и бессрочно встроенной в сообщество «западных демократий», вносила заметный вклад в «сдерживание» СССР, его союзников. С согласия «западных держав» (США, Великобритании, Франции) Боннская республика в 1955 г. вошла в Североатлантический альянс, а затем осуществила масштабную ремилитаризацию. Территория ФРГ с учетом ее расположения на передовой линии конфронтации и остроты «германского вопроса» выступала для Запада важнейшим бастионом для противодействия Востоку. Мощный бундесвер и группировки партнеров по НАТО на землях ФРГ представляли собой единое военно-стратегическое целое¹. В свою очередь, Швеция продолжала придерживаться внеблокового статуса. Несмотря на это, Бонн и Стокгольм в Холодную войну тесно сотрудничали в сфере безопасности и обороны. Чем вызвана эта парадоксальная на первый взгляд тенденция? Объединяющим началом для двух государств выступал капиталистический уклад, при этом было стремление придать ему социально ориентированный облик. Притом оба государства стремились в самой западной части Балтийского моря не только к экономической, но и к военной кооперации, которая носила антисоветскую направленность. Шведский истеблишмент, особенно его правоконсервативная часть, фактически рассматривал масштабный вклад ФРГ в «сдерживание» СССР как фактор, который опосредованно содействовал сохранению нейтралитета Королевства. В свою очередь, сонаправленными оказались усилия кабинетов двух стран с ведущей ролью у социал-демократов — В. Брандта в ФРГ (1969—1974) и У. Пальме в Швеции (его первый период пребывания у власти, 1969—1976 гг.). Двое эти главы правительств сыграли заметную роль в снижении напряженности в Европе и мире. При этом возвращение У. Пальме на пост

¹ The Bundeswehr on operations, 2009, Berlin, *Federal Ministry of Defence*, p. 14—19.

премьер-министра (1982—1986) пришлось на время «второго издания» Холодной войны, когда ФРГ при канцлере Г. Коле (от ХДС/ХСС) резко ужесточила подход к «сдерживанию» СССР.

В ходе ускоренного решения «германского вопроса» (февраль — сентябрь 1990 г.) Стокгольм в целом занимал благожелательную позицию по отношению к ФРГ. ФРГ сумела добиться, чтобы в ее состав вошли земли ГДР. Данное решение было оформлено в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. Согласно ему ФРГ де-юре обретала суверенитет (как результат отказа держав-победительниц от своих прав и обязанностей) и сохраняла членство в НАТО. При этом Германия добровольно бессрочно отказывалась производить оружие массового поражения / оружие массового уничтожения, владеть, распоряжаться им, устанавливала предельную численность своих ВС в 370 тыс. военнослужащих, в том числе не более 345 тыс. в сухопутных войсках и ВВС. Данный «потолок» считался установленным с момента, когда был завершен вывод советских (российских) войск с территории бывшей ГДР¹. Это событие произошло 31 августа 1994 г., оказав большое влияние на политику как Германии, так и Швеции: обе стали играть более заметную роль в деятельности институтов Евроатлантического сообщества в сфере безопасности и обороны. Практически сразу с сентября 1994 г. ФРГ стала поддерживать расширение НАТО на восток, то есть на постсоциалистическое пространство, резко активизировала использование бундесвера вне зоны ответственности Альянса. Иллюстративно прецедентное применение люфтваффе в операциях ВВС под эгидой блока против Республики Сербской (август — сентябрь 1995 г.) и Сербии (март — июнь 1999 г.). Эти шаги ФРГ предприняла, чтобы в военно-политическом отношении стать региональной державой, утвердиться в числе ведущих государств — членов НАТО (США, Великобритания, Франция). В свою очередь, уже в конце 1994 г. Швеция начала сближение с блоком, присоединившись к программе «Партнерство ради мира»². В 1995 г. Швеция в составе группы европейских стран с внеблоковым статусом (также Австрии и Финляндии) вступила в ЕС, что означало и присоединение к общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) объединения. Как результат, нейтральный статус Королевства стал условным. Одновременно Стокгольм начал направлять контингенты в состав миссий НАТО вне зоны ответственности. Это выступило ключевым проявлением стратегии Швеции в отношении Альянса: все теснее сотрудничать де-факто, но не вступать де-юре.

Для ФРГ такой подход оказался весьма выгоден не только из-за самой возможности развивать практическое сотрудничество с партнером под эгидой и ЕС, и НАТО. У официальных Берлина и Стокгольма был близок порог (набор условий) применения силы: он был достаточно высок, заметно отличаясь от низкого порога у США, Великобритании и Франции. Данная схожесть со Швецией облегчала для Германии в начале XXI в. задачу отстаивать свою особость от других «западных держав» в вопросах применения силы вдали от Евроатлантического сообщества — прежде всего в Ираке в 2003 г.

Одновременно обе страны активно взаимодействовали при проведении небоевых операций под эгидой НАТО: на Балканах (в Боснии в 1995—2003 гг. и Косово с 1999 г.) и особенно в Афганистане в рамках деятельности МССБ (*ISAF*) в 2003—

¹ Vertrag vom 12. September 1990 über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland (Zwei-plus-Vier-Vertrag), 2025, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausserpolitik/regelbasierte-internationale-ordnung/voelkerrecht-internationales-recht/240218-240218> (дата обращения: 19.11.2025).

² Relations with Sweden, 2025, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52535.htm (дата обращения: 19.11.2025).

2014 г. Шведские подразделения действовали как часть многосторонних сил регионального командования «Север», где роль «рамочного государства», то есть ключевого комплектатора и координатора, играла ФРГ. Данное сотрудничество сохранялось и в 2015—2021 гг., когда вместо *ISAF* также под эгидой НАТО была запущена миссия «Решительная поддержка» (*Resolute Support, RSM*). Ее главной задачей было уже не поддержание мира, а реформа сектора безопасности: помогать в обучении и консультировать местные (афганские) армию и полицию. После смены *ISAF* силами *RSM* сократились масштаб миссии в целом, размеры контингентов Германии и Швеции, однако распределение их ролей в рамках регионального командования «Север» осталось неизменным¹. Опыт сотрудничества в Афганистане с середины 2010-х гг. стал применяться в Мали [28, р. 22—24] — по линии как военно-тренировочной миссии ЕС, так и многопрофильной миротворческой миссии ООН, в рамках которой ФРГ приняла роль «рамочного государства» в деле разведки и функционирования базы в Гао².

При этом уже с начала 2010-х гг. внеблоковая Швеция начала заметно снижать свой порог применения силы. Германия, будучи государством НАТО, до середины 2010-х гг. проявляла в данном вопросе большую инерционность и тем самым стратегическое благоразумие. Впервые данное различие заметно выразилось в ходе военно-воздушной операции НАТО против Ливии (март — октябрь 2011 г.), когда королевская авиация приняла в ней участие, а люфтваффе — нет³.

Весной — осенью 2014 г., сразу после того как возникла конфронтация между Евроатлантическим сообществом и Россией, декларируемый Стокгольмом подход к «сдерживанию» оказался жестче, чем у Берлина. Показательно, что Швеция весьма сдержанно отнеслась к идее запустить «Нормандский формат» в июне 2014 г. Однако инициатор его запуска Германия сама рассматривала данную переговорную площадку как необходимую для демонстративно вынужденного диалога с Россией с целью избежать неконтролируемой эскалации и одновременно продвигать консолидированную позицию Запада по Украине. Такой подход предопределил низкую эффективность «Нормандского формата», резкое снижение частотности встреч к концу 2010-х гг., объявление его недействующим на фоне СВО РФ.

Особенности современного политического диалога

ФРГ старалась ужесточать «сдерживание» РФ плавно и одновременно последовательно. Официальный Берлин постоянно и в деталях доносил до Стокгольма свою постепенно изменявшуюся позицию по вопросу отказа Королевства от условного нейтралитета, подчеркивал, насколько ценил доверительные отношения со своим скандинавским партнером. В конце 2010-х — в первой половине 2020-х гг. прямые двусторонние переговоры между главами правительств Германии и Швеции проходили часто — не менее одного раза в год.

Стороны сотрудничали в рамках ЕС, в том числе в реализации Стратегии для региона Балтийского моря (с 2009 г.). В увязке с этим Берлин и Стокгольм осуществляли кооперацию в Совете государств Балтийского моря (СГБМ, с 1992 г.). На самых первых этапах конфронтации работа СГБМ была приостановлена. Швеция поддер-

¹ *Resolute Support Mission in Afghanistan (2015—2021)*, 2022, NATO, 30.05.2022, URL: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/topics_113694.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.11.2025).

² *Antrag der Bundesregierung, 2021, Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode, Drucksache 19/28803, 21.04.2021, S. 9.*

³ *NATO and Libya, 2011, NATO, February — October 2011*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_71652.htm (дата обращения: 19.11.2025).

жала Германию в ее стремлении возобновить работу формата (2017), но так, чтобы он полностью превратился в площадку для согласованной позиции «западных демократий», а роль России в СГБМ стала бы номинальной¹. Кульминацией стал призыв 3 марта 2022 г. приостановить участие РФ в Совете², стремление использовать его площадку для продвижения решений с целью превратить Балтийское море во «внутреннее озеро» для НАТО. Не приемля такой подход, Россия в мае 2022 г. вышла из СГБМ.

Координация усилий сторон была еще большей в рамках форматов *N3 + 1* и *N5 + 1*. Единица обозначала Германию (и одновременно подчеркивала ее особую роль в работе каждой площадки), а первая часть названия — число участвовавших государств Северной Европы: три (Дания, Финляндия, Швеция) или все пять. Именно состояние (вне-)блокового статуса Швеции автор усматривает ключевой причиной того, в каком формате — с вовлечением лишь части или всех региональных игроков — предпочитала проводить переговоры ФРГ.

Переговорная площадка *N3 + 1* функционировала на высоком (глав МИД), но не на высшем уровне. Государствами-участниками от Северной Европы стали те, которые входили в Европейский союз; из них только Дания в период работы формата была также страной НАТО. Это отражало тот факт, что Германия запустила данный формат прежде всего для сотрудничества с условно нейтральными Финляндией и Швецией. Первая встреча прошла в Копенгагене в декабре 2014 г.³ Готовя запуск *N3 + 1*, Берлин уделил особое внимание кооперации со Стокгольмом⁴. Ранее, 5 сентября 2014 г., он (как и Хельсинки) подписал на полях Уэльского саммита НАТО меморандум о взаимопонимании с Альянсом, то есть о продвинутом стратегическом партнерстве [20]. Одновременно Швеция решила присоединиться к подготовке сил быстрого реагирования блока (СБР; *NATO Response Force, NRF*). СБР были предназначены оперативно выдвигаться из глубины зоны ответственности Альянса на наиболее значимые направления в передовой ее части, позволяя резко изменить соотношение сил. В комплектование *NRF* с 2014 г. вплоть до их реорганизации в 2023 г. наибольший вклад вносила именно ФРГ: была трижды сроком на год (2015, 2019, 2023) основным комплектатором наземной компоненты СБР [29]. С этим связан заметный рост качества и объемов фактического сотрудничества Германии и Швеции под эгидой блока.

Однако это отнюдь не означало, что в середине 2010-х гг. Берлин активно побуждал Стокгольм вступить в НАТО де-юре. Главной целью площадки *N3 + 1* выступало стремление ФРГ убедить партнера, что ключевые его беспокойства в сфере безопасности и обороны могут быть проработаны под эгидой ЕС, в ближайшее время не требуется отказ от внеблокового статуса. На начальных этапах конфронтации Берлин считал такой сценарий способным создать риск неконтролируемой эскалации. Иллюстративны здесь сам факт и содержание встреч в формате

¹ Vertrauen durch Dialog: Gabriel will Ostseerat wiederbeleben, 2017, *Auswärtiges Amt*, 21.06.2017, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/ostsee-kooperation/170621-bm-ostseerat/290796> (дата обращения: 19.11.2025).

² Ostseekooperation. 2022, *Auswärtiges Amt*, 16.03.2022, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/ostseekooperation/-/210006> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Enge Beratungen im neuen „N3+1“-Format, 2014, *Auswärtiges Amt*, 01.12.2014, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/daenemark-node/141201-n3-1-kopenha-gen/267302> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Außenminister Steinmeier trifft schwedische Außenministerin, 2014, *Auswärtiges Amt*, 04.11.2014, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/141104-am-schweden/266636> (дата обращения: 19.11.2025).

N3 + 1 в декабре 2014 г. и ноябре 2016 г.¹, а также то, что ФРГ воздержалась отправлять свой контингент для участия в крупнейших национальных учениях шведских ВС *Aurora 17* (сентябрь 2017 г.). Вместе тем бундесвер внес масштабный и функционально значимый вклад в маневры НАТО *Trident Juncture 18* (октябрь — ноябрь 2018 г.) в Норвегии [12].

Однако то, что Германия считала недопустимым в середине 2010-х гг., она начала рассматривать возможным в конце 2010-х гг., реальным — на рубеже десятилетий, необходимым — в начале 2020-х гг. Один из примеров: изменение подхода Германии к развертыванию военного присутствия, которое создавало очевидную угрозу для Калининградской области и всего Северо-Запада РФ, а также союзной ей Беларуси [30; 31]. В 2014 г. Берлин отказывался от активного участия в военно-тренировочной деятельности в странах Балтии. С января 2017 г. ФРГ стала «рамочным государством» для батальонной многосторонней группы НАТО в Литве, с ротацией контингента от бундесвера. Уже к февралю 2022 г. Германия увеличила вклад, а в июне 2022 г. заявила о решении постепенно трансформировать это формирование в бригаду. В ноябре 2023 г. было определено, что она будет размещена уже на постоянной основе, почти целиком состоять из германских военнослужащих, получит наименование от ВС ФРГ, а не НАТО (45-я танковая). Составной частью соединения оставался имевшийся многонациональный батальон [15].

К северу от Балтийского моря подходы Берлина эволюционировали схожим образом с тем, как это было к югу. В марте 2019 г. в Хельсинки состоялись третьи переговоры в формате *N3 + 1*. Их участники демонстрировали солидарность в «сдерживании» не только РФ, но и КНР, совместное неприятие давления на ЕС со стороны первой администрации Д. Трампа². Повестка свидетельствовала о доверительном уровне отношений Германии с трио североевропейских партнеров, особенно Швецией. Третья встреча в формате *N3 + 1* оказалась финальной.

В августе 2019 г. переговорный механизм *N5 + 1* впервые собрался на высшем уровне³, а в октябре 2019 г. — на высоком, глав МИД⁴. Фактическая замена одной площадки другой демонстрировала не только общее укрепление позиций ФРГ в регионе, но и то, что она переставала дифференцировать контакты с местными игроками, исходя из их членства в ЕС и НАТО. Это косвенно свидетельствовало о том, что Берлин начинал рассматривать как приемлемое вступление Стокгольма в Альянс.

Готовность к этому постепенно возрастала на практике, стала открыто декларироваться весной 2022 г., а поводом был избран старт СВО. К этому времени у власти в обеих странах находились правительства с направляющей ролью у социал-демократов: в Германии — «большой коалиции» О. Шольца (с участием ХДС/ХСС), в Швеции — кабинета М. Андерссон. Их первые переговоры прошли в Берлине 28 марта 2022 г. Непосредственно в ходе выступления политики не стали поднимать вопрос об отказе Швеции от внеблокового статуса. Однако канцлер заявил: «Мы

¹ Außenminister Steinmeier lädt Außenminister Dänemarks, Finnlands und Schwedens nach Berlin ein, 2016, *Auswärtiges Amt*, 07.11.2016, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/161107-bm-dk-fin-swe/284942> (дата обращения: 19.11.2025).

² Europe United: International geschlossen auftreten, 2019, *Auswärtiges Amt*, 19.03.2019, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/zusammenarbeit-staaten/maas-aussenpolitik-europa-daenemark-schweden-finnland-/2200644> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Bundeskanzlerin besucht Island, 2019, *Bundeskanzleramt*, 20.08.2019, URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/merkel-in-island-1661974> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Maas und die Nordics: Gemeinsam den Multilateralismus stärken, 2019, *Auswärtiges Amt*, 17.10.2019, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/maas-nordischebotschaften/2258252> (дата обращения: 19.11.2025).

[ФРГ] несем обязательства перед нашими партнерами по НАТО — там есть весьма конкретный пункт о взаимопомощи, но также, конечно, и перед всеми остальными, с кем мы вместе входим в ЕС»¹. Соответственно, О. Шольц рассматривал сотрудничество в сфере безопасности и обороны под эгидой Евросоюза как необходимое, но недостаточное, показывая преимущество одновременного членства в блоке.

Следующую встречу с М. Андерссон О. Шольц провел уже 3 мая 2022 г. в своей резиденции Мезеберг. Канцлер подчеркнул, что Германия рассматривала Швецию (и Финляндию) как ближайших партнеров, внимательно следила за дискуссиями о вхождении в НАТО². Этим заявлением О. Шольц признавал, что Стокгольм последовательно информировал Берлин о готовности полностью отказаться от внеблокового статуса, встречая поддержку. Обе ключевые встречи проходили в ФРГ (а не по очередности в каждой из двух стран), что символизировало роль последней как старшей в диалоге, во многом как проводника для бывшего условно нейтрального партнера в НАТО.

Швеция и Финляндия 18 мая 2025 г. официально подали заявки на вступление в Альянс³. Накануне Германия опубликовала национальное заявление о поддержке действий двух этих скандинавских государств, назвала их решения суверенными⁴. ФРГ в числе первых среди государств НАТО ратифицировала их обращения, стала всячески демонстрировать солидарность с Королевством Швеция в ситуации, когда против его скорейшего вступления в блок высказались Турция и Венгрия [21; 22]. Для Берлина и Стокгольма с их либеральным истеблишментом президент Р.-Т. Эрдоган и премьер-министр В. Орбан выступали идейными оппонентами внутри Запада.

Пятнадцатого августа 2022 г. состоялись вторые (после августа 2019 г.) переговоры в формате *N5 + 1* на высшем уровне. Они прошли в Норвегии. Показательны само проведение данной встречи, ее повестка (главный пункт — выражение поддержки Швеции в условиях затягивания ее вступления в НАТО), а также организованные на следующий день уже в Стокгольме двусторонние переговоры О. Шольца и М. Андерссон⁵. Перечисленные факты свидетельствовали о повышенном внима-

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und der Ministerpräsidentin des Königreichs Schweden Andersson zu ihrem Besuch in Berlin am 28. März 2022, 2022, *Bundeskanzleramt*, 28.03.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-der-ministerpraesidentin-des-koenigreichs-schweden-andersson-zu-ihrem-besuch-in-berlin-am-28-maerz-2022-2021168> (дата обращения: 19.11.2025).

² Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, der finnischen Ministerpräsidentin Marin und der schwedischen Ministerpräsidentin Andersson am 3. Mai 2022 in Schloss Meseberg, 2022, *Bundeskanzleramt*, 03.05.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-der-finnischen-ministerpraesidentin-marin-und-der-schwedischen-ministerpraesidentin-andersson-am-3-mai-2022-in-schloss-meseberg-2030188> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Finland and Sweden submit applications to join NATO, 2022, *NATO*, 18.05.2022, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_195468.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Nationale Erklärung Deutschlands zum NATO-Beitrittsbegehren Finnlands und Schwedens, 2022, *Bundeskanzleramt*, 17.05.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/nationale-erklaerung-deutschlands-zum-nato-beitrittsbegehren-finnlands-und-schwedens-2040396> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Andersson zum Besuch des Bundeskanzlers im Königreich Schweden am 16. August 2022 in Stockholm, 2022, *Bundeskanzleramt*, 16.08.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-andersson-zum-besuch-des-bundeskanzlers-im-koenigreich-schweden-am-16-august-2022-2073552> (дата обращения: 19.11.2025).

нии Германии к Швеции и подтверждали, что формат $N5 + 1$, фактически сменившийся $N3 + 1$ с 2019 г., одной из главных задач имел содействие Стокгольму в решении отказаться от внеблокового статуса.

При высокой частоте очных встреч на высшем уровне главы правительств Германии и Швеции обсудили лишь в формате видеоконференции совместно с премьер-министрами Дании, Норвегии и генсеком НАТО подрыв газопровода «Северный поток-2» 26 сентября 2022 г. Он был признан терактом, однако остался периферийным сюжетом в межгосударственном диалоге.

Смена правительства в Швеции — по итогам выборов в Риксдаг к власти пришла Умеренная коалиционная партия во главе с У. Кристерссоном (октябрь 2022 г.) — не оказала негативного влияния на диалог с ФРГ. На двусторонних переговорах в марте 2023 г., которые вновь состоялись в Берлине, канцлер не только подчеркнул неизменную поддержку вступления Швеции в НАТО. О. Шольц и У. Кристерссон согласовывали усилия по поставкам военной техники для ВСУ (прежде всего танков и систем ПВО), дальнейшие меры с целью обеспечить сближение с ЕС Грузии, Молдовы, Украины, а также стран Западных Балкан¹. Содержание переговоров отражало уверенность в присоединении Королевства к блоку, важность дальнейшей активизации усилий по распространению влияния Евросоюза на постсоветском и постюгославском пространствах.

К весне 2024 г. Турция и Венгрия сняли возражения, и 7 марта Швеция официально вошла в состав НАТО. Всего через два месяца, в мае 2024 г., состоялась третья встреча в формате $N5 + 1$ на высшем уровне, притом именно в Стокгольме². Встречи на данной площадке проходили вскоре после самой подачи заявки Швеции в НАТО и ее затянувшегося одобрения, но не на промежутке между этими двумя событиями, что вновь подтверждало указанную выше нацеленность $N5 + 1$. Как и в августе 2022 г., на следующий день после шестисторонней встречи состоялась двусторонняя. Это иллюстрировало доверительность диалога и важность Швеции в стратегическом планировании Германии. В свою очередь, Германия была крупнейшим торговым партнером Швеции³. Переговоры в мае 2024 г. были посвящены уже не столько самому вступлению Швеции в НАТО, сколько согласованию конкретных мер сотрудничества в этой связи — прежде всего с целью превратить Балтийское море во «внутреннее озеро» блока. Данный круг вопросов, в том числе координация при запуске новой миссии НАТО «Балтийский часовой», был вновь подробно проработан на переговорах высшего уровня в январе 2025 г. [32]. Стороны последовательно продолжали согласовывать меры по поддержке Украины и в целом детали стратегии ужесточаемого «сдерживания» РФ⁴.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten des Königreichs Schweden Kristersson am 15. März 2023 in Berlin, 2022, *Bundeskanzleramt*, 15.03.2022, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-des-koenigreichs-schweden-kristersson-am-15-maerz-2023-2171296> (дата обращения: 19.11.2025).

² Mehr als nur Nachbarn, 2024, *Bundeskanzleramt*, 13.05.2024, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/kanzler-nordischer-rat-stockholm-2281682> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kristersson am 14. Mai 2024 in Stockholm, 2024, *Bundeskanzleramt*, 14.05.2024, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kristersson-am-14-mai-2024-in-stockholm-2282240> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ Infrastruktur schützen, Ukraine unterstützen, 2025, 14.05.2024, *Bundeskanzleramt*, 17.01.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/bk-kristersson-2330794> (дата обращения: 19.11.2025).

Эти приоритеты оставались неизменными при правительстве Ф. Мерца (блок ХДС/ХСС и СДПГ), которое было создано 6 мая 2025 г. по итогам выборов в Бундестаг в феврале. Всего через три недели после вступления в должность Ф. Мерц провел переговоры в формате *N5 + 1* (на данный раз в Финляндии)¹. Это подтвердило значимость североевропейского направления во внешней политике Германии. Особое значение приобретало сотрудничество со Швецией, которая не только резко наращивала расходы, но единственной из региональных игроков резко увеличила численность своих ВС.

Подходы Германии и Швеции к укрупнению своей военной мощи

Стратегии официальных Берлина и Стокгольма по осуществлению милитаризации принципиально схожи, что не исключало различий ряда тактик. Каждая страна традиционно учитывала опыт другой в деле строительства вооруженных сил. Притом если до начала 2020-х гг. это прежде всего относилось к Швеции по отношению к Германии [16], то затем отчетливой стала обратная зависимость. Берлин сталкивался с серьезными препятствиями в деле увеличения размеров бундесвера, поэтому обращал внимание на заметный рост численности шведских войск после возобновления обязательного призыва (2017).

Обе страны не располагали ядерным оружием, то есть их ВС были конвенциональными. На протяжении четверти века после Холодной войны и Германия, и Швеция последовательно сокращали свои ВС. У каждой в середине 2010-х гг. они считались компактными по численности и сбалансированными по составу. В них неизменно наличествовали достаточно мощные ВВС и ВМС, оснащенные в основном самолетами и кораблями собственной разработки и производства. При этом сухопутные войска оказались предельно уменьшены — более того, они столкнулись с риском критической потери боеспособности [33].

Данная проблема стала особенно очевидной в контексте тех растущих военных обязательств, которые Берлин и Стокгольм принимали на себя по мере развития конфронтации. Поэтому оба государства уже в конце 2010-х гг. утвердились в понимании того, что требуется серьезное увеличение сухопутных сил — тем более что до этого с начала 1990-х гг. именно они выступали основным объектом для сокращений внутри ВС. Осознание необходимости скорее перейти к масштабному восстановительному росту армии еще более окрепло с начала 2020-х гг. Реалии в зоне СВО отчетливо показали, что ключевая роль в ведении боевых действий по-прежнему продолжает принадлежать именно наземным войскам (притом их облик, особенно технико-технологический, заметно изменился). Поэтому для Германии и Швеции планы и действия именно по росту числа сухопутных формирований являлись ключевым индикатором в деле милитаризации.

При очевидной разнице в размерах ВС у Берлина и Стокгольма наличествовали схожие стартовые позиции в отношении других значимых для них европейских государств НАТО и ЕС. Для Германии это прежде всего крупнейшие Великобритания, Франция, а также Италия и Польша, для Швеции — остальные страны Северной Европы (Дания, Норвегия, Финляндия; Исландия здесь не учитывается, так как у нее нет собственных ВС). На 2014 г. бундесвер уступал по количеству личного состава ВС Франции и Италии, превосходил Великобританию, что отражено в таблице 1. При этом по численности населения (81,7 млн жителей) ФРГ уверенно опережала каждую из данных стран (66,5 млн, 60,2 млн, 65,1 млн соответственно).

¹ Partnerschaft zwischen Deutschland und „Nordic 5“ richtungsweisend für EU, 2025, *Bundeskanzleramt*, 27.05.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pk-merz-finnland-2350434> (дата обращения: 19.11.2025).

Таблица 1

Эволюция численности ВС крупных европейских государств НАТО, тыс. чел.

Государство	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,0	147,3	148,2	143,6	138,1	138,1
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	183,9	183,2	181,7	185,6
Италия	183,5	178,4	176,3	174,6	174,1	176,4	173,4	170,3	170,0	170,7	171,4
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	166,8	176,0	206,5	216,1
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	207,6	207,6	207,1	205,3	204,7

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, p. 13.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

Как следует из таблицы 2, вооруженные силы Швеции уступали по численности таковым у Дании, Норвегии, Финляндии, при этом ВС Финляндии — более чем в 2 раза. В свою очередь, по размерам населения официальный Стокгольм (9,8 млн) заметно опережал все остальные североευропейские страны (5,7 млн, 5,2 млн, 5,5 млн жителей соответственно).

Таблица 2

Динамика численности ВС государств Северной Европы, тыс. чел.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*	2025*
Дания	16,9	17,2	17,3	16,7	17,1	16,3	16,9	16,9	16,7	17,3	17,3	17,3
Норвегия	21,0	20,9	20,5	20,2	20,2	19,2	20,6	23,1	23,5	24,0	24,3	24,8
Финляндия	32,5	31,0	31,3	31,0	31,8	31,1	31,3	31,1	30,5	31,0	30,8	30,8
Швеция	14,7	15,0	15,0	15,9	17,8	19,1	20,1	21,1	20,9	21,5	23,1	24,9

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, p. 13.

Примечание: * за 2024 и 2025 гг. данные предварительные.

Однако несмотря на указанное отстающее положение, ФРГ и Швеция обозначили весьма амбициозные планы по увеличению численности своих ВС. С июня 2022 г. высшее руководство ФРГ — сначала канцлер О. Шольц, а затем Ф. Мерц¹ — последовательно декларировали цель превратить в будущем бундесвер в крупнейшие конвенциональные ВС среди европейских государств — членов НАТО. Бундесвер в среднесрочной перспективе должен возрасти не менее чем до 260 тыс. военнослужащих на действительной службе и до 200 тыс. резервистов². В 2014—2023 гг. ежегодные изменения численности бундесвера имели как положительное, так и отрицательное значение; он незначительно вырос (почти на 2 %), что видно из таблицы 1. С 2024 г. военное ведомство ФРГ декларировало переход к неизменному росту. Вопрос, однако, в его темпах: для того чтобы к середине 2030-х гг. набрать дополнительно около 80 тыс. военнослужащих, официальный Берлин искал спосо-

¹ Regierungserklärung von Bundeskanzler Friedrich Merz, 2025, *Bundeskanzleramt*, 14.05.2025, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/regierung-serklaerung-von-bundeskanzler-friedrich-merz-2347888> (дата обращения: 19.11.2025).

² Eckpunkte für neuen Wehrdienst: Sechs Monate Dienstzeit, 260.000 Aktive, 2025, *Augengeradeaus*, 04.07.2025, URL: <https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/> (дата обращения: 19.11.2025).

бы восстановить обязательный набор на военную службу: с 2011 г. он не отменен, а имеет нулевое значение. Призыв должен обеспечить не только увеличение ВС в целом и резервистов, но и желающих стать профессиональными военными.

К 2025 г. по численности личного состава ВС Германия уже обошла не только Великобританию (у которой шло резкое уменьшение) и Италию (небольшое сокращение). Для французских вооруженных сил характерна стагнация численности (табл. 1). Бундесвер, особенно в случае возврата призыва, способен превзойти их. Вместе с тем эту задачу намного сложнее реализовать в отношении Войска Польского, которое по темпам и промежуточным результатам прироста резко опережало бундесвер. Озвучиваемые в Варшаве итоговые целевые показатели (до 300 тыс. военнослужащих) выше [9, с. 64—66], чем у Берлина, однако не исключено, что в реальности данный показатель будет включать резервистов, набираемых на краткосрочные сборы. К этой практике Германия стала активно возвращаться¹. Последовательно заявляемое желание Берлина иметь среди государств — членов НАТО одни из крупнейших вооруженных сил (третьи по размерам после США и Турции) — это проявление лидерских устремлений ФРГ, при этом на уровне европейской части Запада в целом.

Такие устремления, но применительно к «домашнему» региону, то есть Северной Европе, наблюдаются и у Швеции. В отличие от Берлина Стокгольм не декларировал итоговых целевых показателей. При этом запланировано дальнейшее увеличение набранных по призыву: с 7 тыс. в 2023 г. до 10 тыс. в 2030 г., 12 тыс. чел. в 2032 г.² Само по себе это должно привести к росту ВС Швеции минимум до 27 тыс. военнослужащих в начале 2030-х гг., исходя из данных таблицы 2. С высокой долей вероятности шведские войска к концу десятилетия будут насчитывать 30—35 тыс. военнослужащих. Уже в середине 2020-х гг. ВС Швеции обошли ВС Дании (стагнирующая численность) и Норвегии (небольшое уменьшение, а затем малозаметный рост). На перспективу Стокгольм может достичь того же результата и в отношении финляндских ВС, численность которых по вступлении страны в НАТО не возросла (табл. 2).

Осуществленный возврат призыва (2017) позволил Стокгольму создавать новые формирования войск (прежде всего наземных и сопредельных родов). Уже с 2018 г. Швеция укрупнила гарнизон на о. Готланд³, а в 2021 г. — в январе 2022 г. учредила два новых пехотных и дополнительный амфибийный полки⁴. В 2025 г. в шведских войсках уже создана первая бригада — субарктическая механизированная — на базе Норрботтенского полка⁵. На практике Германия двигалась по данному пути заметно медленнее.

Планы развернуть фактически первую новую бригаду бундесвера (45-й танковую с дислокацией в Литве) были озвучены в июне 2022 г., конкретизированы в ноябре 2023 г., но само соединение, будучи формально созданным в апреле 2025 г.,

¹ Ibid.

² Försvarsutskottets betänkande 2024/25. Totalförsvaret 2025—2030, 2024, Stockholm, *Riksdag*, s. 38.

³ Gotland regiment, 2025, *Försvarsmakten*, p. 18, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/gotland-regiment-p-18/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ См., например: Dalarna Regiment (I 13), 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/dalarna-regiment-i-13/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Norrbotten Regiment (I 19), 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/norrbotten-regiment-i-19/> (дата обращения: 19.11.2025).

должно быть полностью укомплектовано в 2027 г. В основном это происходит за счет уже имеющихся батальонов, которым должны передать другие, существующие, бригады¹. Первый новый батальон появился в бундесвере лишь в октябре 2025 г., это было артиллерийское подразделение, а не танковое или мотопехотное. Соответственно, на этом треке усилия Берлина стартовали на 7 лет позже, чем Стокгольма.

В деле набора дополнительных контингентов в состав ВС ФРГ как «старое» государство — член НАТО оказалась заметно более инерционна, чем Швеция с ее исторически длительным (до 2024 г.) внеблоковым статусом. Причина виделась в том, что Швеция привыкла рассчитывать лишь на собственные силы, придерживаться так называемой концепции «тотальной обороны».

Напротив, схожей у двух государств была траектория роста военных расходов. Берлин стал резко наращивать их с 2020 г., Стокгольм — с 2021 г. (табл. 3), то есть оба — до начала СВО. К 2025 г. Германия стала лидером по данным тратам среди европейских стран — участниц НАТО, приближалась к 100-миллиардной отметке, достигла показателя в 2 % от ВВП. В свою очередь, Швеция на 2024 г. обогнала по военным расходам в абсолютном измерении все остальные страны Северной Европы, в относительном — существенно превысила уровень в 2 % (более 2,3 %). Оба государства уверены в способности выйти на отметку в 3,5 % как целевую к 2030 г. согласно решениям саммита НАТО (2025).

Таблица 3

Военные расходы Германии и Швеции, млн долл.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Германия	46 176	39 833	41 606	45 470	49 772	52 549	58 652	62 054	61 045	73 138	93 747
Швеция	6205	5103	5017	5229	5396	5560	5984	9071	8562	9849	13967

Источник: Defence expenditures of NATO countries (2014—2024). 2025, Brussels, NATO, p. 8.

Примечание: * за 2024 г. данные предварительные.

Вопросы сотрудничества вооруженных сил: кейс сил передового развертывания НАТО в Скандинавско-Балтийском регионе

Берлин, как и Стокгольм, в середине 2020-х гг. старался принимать весьма активное участие в комплектовании системы группировок НАТО, полностью поддерживал подход, при котором акцент делался на развертывание наземных формирований. Практически все они были многосторонними (как минимум де-юре), постепенно приобретали межвидовой облик, то есть в них интегрировались подразделения от других родов войск (прежде всего спецназа, беспилотников). Так, осью сил передового развертывания (СПР) Альянса с начала 2020-х гг. считались наземные передовые силы (*Forward Land Forces, FLF*)², в составе *NRF* — наземное соединение повышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Forces, VJTF*). Сухопутная составляющая осталась важнейшей и для сил союзнического

¹ Die Bundeswehr hat eine neue Brigade, 2025, *Bundeswehr*, 01.04.2025, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/deutsche-panzerbrigade-45-litauen-indienststellung-5927738> (дата обращения: 19.11.2025).

² Strengthening NATO's eastern flank, 2025, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 19.11.2025).

реагирования (*Allied Reaction Force, ARF*), которые с 1 июля 2024 г. сменили *NRF*, считаясь по сравнению с ними значительно более мобильными [2, с. 3–4]. *ARF* также должны были оперативно выдвигаться из глубины зоны ответственности на важнейшие направления у ее восточных границ.

Германия стремилась вносить повышенный вклад в комплектование всей перчисленной линейки группировки, а Швеция фокусировалась на участии в деятельности СПР. Основная причина состояла в разнице размеров ВС каждой страны: бундесвер был больше почти на порядок, эта разница в основе сохранится на обозримую перспективу (планируемые показатели действующего состава: около 260 тыс. и примерно 35 тыс. чел. соответственно). Оба государства в современных реалиях не были пограничными в рамках зоны ответственности НАТО, то есть потенциально могли играть активную роль в деятельности *NRF* и *ARF*. Стокгольм проявлял интерес к этому с начала конфронтации с РФ (2014) и до вступления Альянс (2024). Причина видится в том, что принципы комплектования СПР не предусматривали вовлеченного участия партнеров Альянса, то есть не входивших в него. В случае СБР такая опция имела.

Войдя в состав блока, Стокгольм по-иному расставил приоритеты. Новый ключевой приоритет — направлять значительные контингенты в состав многосторонних формирований *FLF*, при этом именно тех, которые расположены на территориях, входивших в состав Швеции в эпоху ее наивысшего подъема (1611—1721). Уже в январе 2025 г. Швеция направила танковый батальон в укрупняемую до бригады боевую группу НАТО в Латвии, где ведущим комплектатором выступала Канада¹. Стокгольм выразил готовность принять аналогичную роль для многостороннего формирования Альянса, которое в 2026 г. должно появиться в Лапландии, на севере Финляндии. Здесь разместится «ядро» бригады, в основном из шведских подразделений [34]. На выполнение этих обязательств нацелены важнейшие шаги с целью укрупнить шведскую армию. На базе 19-го Норрботтенского механизированного полка к 2026 г. создавалась субарктическая танковая бригада (*тбр*), которая и должна составить основу для формирования *FLF* в Лапландии². Она представляет собой авангард, позади которого, в самой Швеции, планируется развернуть еще одну субарктическую *тбр* (по всей видимости, на базе 4-го танкового полка, который постоянно дислоцирован на юге страны) и полк горных егерей (Норрландский)³. Стартовала реорганизация на бригаду и 7-го Южносконского танкового полка: это соединение ответственно за внесение ротационного вклада в боевую группу НАТО южнее Риги. Последняя должна взаимодействовать со шведскими войсками на юге континентальной Швеции (остальные силы 7-й *тбр*)⁴ и особенно на о. Готланд (боевая группа на базе 18-го танкового полка)⁵. В целом Швеция развертывала 3 бригады и боевую группу (неполную бригаду), то есть 4 соединения, причем «тяжелых»

¹ Historic Swedish force arrives in Latvia, 2025, *Försvarsmakten*, 18.01.2025, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/news/2025/01/historic-swedish-force-arrives-in-latvia/> (дата обращения: 19.11.2025).

² Norrbotten Regiment (I 19), 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/norrbotten-regiment-i-19/> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Försvarsutskottets betänkande 2024/25. Totalförsvaret 2025—2030, 2025, Stockholm, *Riksdag*, s. 38, URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/totalforvaret-2025-2030_hc01f%C3%B6u2/html/ (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ South Skåne Regiment, 2025, *Försvarsmakten*, p. 7, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/south-skane-regiment-p-7/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁵ Krigsorganisationens utveckling 2025—2035, 2025, Stockholm: *Försvarsmakten*, 05.06.2024, s. 2.

(по оснащению)¹. Каждое из них предназначено комплектовать СПР НАТО или поддерживать их. Вне процесса остался лишь ряд полков (в основном «легких»), некоторые из них могут в будущем оказаться задействованы в составе *ARF*.

Для комплектования *NRF*, а затем *ARF* Германия еще в начале 2020-х гг. выделила полную дивизию (1-ю танковую в составе трех «тяжелых» бригад). Еще одна таковая (10-я танковая, имевшая 2,5 бригады) зарезервирована под оперативное усиление присутствия в передовой части зоны ответственности. Также входит в 10-ю танковую дивизию размещенная здесь, а именно в Литве, 45-я танковая бригада бундесвера как формирование *FLF*². Ее концепция схожа с той, которую Стокгольм использует для соединения в Лапландии. Примечательно, что пока в составе СПР НАТО есть всего два государства, которые сформировали в основе собственные бригады как де-юре многосторонние боевые группы *FLF*: это Германия и Швеция. В данной связи уместно предположить, что Стокгольм опирался на концепцию Берлина (реализованную в Литве) как прецедент при определении схемы своего наземного присутствия на севере Финляндии. Резервируя крупные силы для потенциального усиления этой бригады-авангарда (соединение на базе 4-го танкового полка, regiment арктических горных стрелков), Швеция также использовала военно-тактические лекала Германии (предназначение 10-й танковой дивизии как главных сил для поддержки 45-й *тбр*). Это иллюстрировало высокий уровень сотрудничества двух государств в деле соотношения своих амбиций как значимых комплектаторов СПР с интересами НАТО как организации и правилами функционирования ее *FLF*.

С учетом обширности Скандинавско-Балтийского региона Берлин и Стокгольм географически к удобству и выгоде друг друга распределили ответственность при использовании своих сухопутных войск. Швеция приняла нагрузку на двух направлениях в центральной части — на севере Финляндии (на юге страны многосторонних формирований НАТО не было) и в Латвии, а Германия — на флангах (прежде всего в Литве). Кроме того, контингент бундесвера активно участвовал в учениях Альянса в приарктической части Норвегии [12].

Особенно заметно германо-шведское сотрудничество по линии ВС в деле оказания давления на Калининградскую область как полуанклав России [34], а также союзную Беларусь [31]. Войска на юге континентальной Швеции (прежде всего главные силы бригады на базе 7-го танкового полка), на о. Готланд (боевая группа на основе 18-го танкового полка) и формирование *FLF* в Латвии с включенным в нее шведским контингентом тактически образовывали единую сеть формирований с 45-й *тбр* бундесвера. Она размещена вблизи Сувалкского коридора³.

Значимо, что почти все данные формирования (на Готланде, территориях двух республик Балтии) расположены восточнее Калининградской области, что делает их размещение особенно провокационным для безопасности РФ: данные войсковые единицы будут играть повышенную роль в случае попыток блокировать этот российский субъект-анклав.

На данном направлении активное развитие получило сотрудничество Берлина и Стокгольма не только по линии сухопутных войск, но также ВМС и ВВС. В Балтийском море и прилегающих акваториях оперировали 1-я постоянная морская (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная (ПКМГ) группы, их состав комплектовался на ротационной основе. Германия с момента создания 1-й ПМГ и 1-й ПКМГ (2004)

¹ Krigsorganisationens utveckling 2025 — 2035, 2025, Stockholm: *Försvarsmakten*, 05.06.2024, s. 2.

² 10. Panzerdivision, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Самое узкое пространство, разделяющее Калининградскую область и Беларусь.

вносила в этот процесс заметный вклад, выделяя корабли из 1-й эскадры корветов¹ и 3-й эскадры минных тральщиков². Швеция начала задействовать боевые вымпелы из 3-й (в основном)³ и 4-й оперативных флотилий ВМС⁴, которые имели смешанный состав (корветы и минные тральщики в каждой). Германно-шведское военно-морское сотрудничество с 2025 г. стало развиваться еще по одному, третьему, треку (в дополнение к совместному участию в деятельности 1-й ПМГ и 1-й ПКМГ) — в связи с запуском миссии «Балтийский часовой» (*Baltic Sentry*) [32]. Миссия включала не только надводные корабли, но и подводные лодки (ПЛ). Это позволяло запустить германно-шведское сотрудничество с использованием 1-й эскадры ПЛ бундесвера и 1-й королевской флотилии ПЛ. В отработке в целом взаимодействия ВМС двух стран, в том числе подразделений морской пехоты и профильной авиации, большую роль играли ежегодно проводимые учения НАТО *BALTOPS*. В них Швеция начала участвовать задолго до 2024 г. как партнер Альянса.

Германия направляла истребители в состав воздушной миссии по патрулированию стран Балтии (*Baltic Air Policing*). К ее ротационному комплектованию по вступлении в Альянс присоединилась и Швеция.

Еще одна составляющая сотрудничества ВС — это синхронизированное использование военных инструкторов двух стран для обучения кадров ВСУ в увязке с поставками Украине различной боевой техники. Одна из ее ключевых составляющих — танки бундесвера *Leopard 2A6* и их версия в шведской модификации *Strv 122*. Каждая из стран играла решающую роль в подготовке определенных формирований ВСУ: Германия — 47-й механизированной бригады, Швеция — 21-й. Оба соединения считались элитными, играя заметную роль в наступлениях ВСУ, однако к 2025 г. их потенциал оказался заметно истощен, несмотря на неоднократные пополнения людьми и техникой.

* * *

Швеция представляет собой редкий пример европейской страны, с которой германское (германно-прусское) государство почти не вело масштабных войн. Как результат, фактически отсутствовал фактор исторической ответственности Берлина перед Стокгольмом. Это оказывало заметное влияние на их сотрудничество, особенно в условиях параллельных современных курсов на милитаризацию. Неуклонно развивавшееся сотрудничество Швеции с Североатлантическим альянсом, кульминацией которого стало ее вступление в блок спустя десятилетие с начала конфронтации Запада и РФ, соответствовало стратегии Германии по развитию системы «сдерживания»: делать это плавно, но последовательно. Берлину удавалось тесно координировать планы и практические шаги со Стокгольмом, что отражала работа формата *N3 + 1* (2014—2019), сменившей его площадки *N5 + 1*, а также интенсивных двусторонних контактов на высшем уровне. Сочетания этих двух переговорных возможностей достаточно, чтобы своевременно тщательно прорабатывать российский круг вопросов в сфере безопасности и обороны. Это одна из причин того, что на обозримую перспективу маловероятен запуск формата межпра-

¹ 1. Korvettengeschwader, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/1-korvettengeschwader> (дата обращения: 19.11.2025).

² 3. Minensuchgeschwader, 2025, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-1/3-minensuchgeschwader> (дата обращения: 19.11.2025).

³ Third Naval Warfare Flotilla, 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/third-naval-warfare-flotilla/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁴ 4th Naval Warfare Flotilla, 2025, *Försvarsmakten*, URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/about/organisation/training-units-schools-and-centres/4th-naval-warfare-flotilla/> (дата обращения: 19.11.2025).

вительственных консультаций. Другая причина состоит в том, что это фактически означало бы, что Германия признает Швеция в качестве безусловного политического лидера в Северной Европе. Это почти наверняка навредит доверительным отношениям ФРГ с Норвегией, которая особенно важна вследствие своего географического положения, позволяющего с ее территории осуществлять многостороннее стратегическое проникновение стран НАТО в Арктику. При этом Берлин заинтересован в Стокгольме как крупнейшем региональном военном вкладчике в деятельность блока.

В целом наблюдалась гармонизация усилий двух государств при распределении нагрузки в деле комплектования системы группировок блока, особенно в Скандинавско-Балтийском регионе. Это обусловлено масштабом задач по «сдерживанию» России и одновременно ограниченностью ресурсов (особенно по численности личного состава ВС) как Германии, так и Швеции, доверительностью отношений между ними. Важно и огромное взаимное желание максимально повысить эффективность совместных усилий с целью обеспечить предельно возможную европоцентричность для вновь возникающего миропорядка. Характер современного и планируемого сотрудничества по линии ВС позволяет говорить о взаимной поддержке усилий, которые Швеция прилагает, чтобы стать основным комплектатором группировок блока в «домашнем» для нее регионе, а Германия — в Европе в целом, а тем самым реализовывать свои лидерские амбиции через попытки демонстрировать военную дееспособность.

Усилия Германии и Швеции способствовали ускоренной масштабной европеизации состава мощи НАТО (как в военно-людском отношении, так и в финансовом). В данном принципиальном вопросе устремления истеблишмента в Берлине и Стокгольме, состоявшего из адептов «либеральной демократии», совпадали с интересами их идейного оппонентов в виде администрации Д. Трампа. Показательно, что в свое второе президентство (с января 2025 г.), в сравнении с первым, этот политик в заметной меньшей степени демонстрировал недовольство ФРГ [36].

Сотрудничество Германии и Швеции, которые не только активно следуют по пути милитаризации, но и объединяют ее с желанием еще более ужесточить «сдерживание» России, несет серьезные угрозы для безопасности и обороны Севера и Северо-Запада РФ. Наиболее опасно сотрудничество бундсвера и шведских войск при реализации под эгидой Альянса шагов, которые могут привести к попыткам заблокировать Калининградскую область, создать иллюзию, что Балтийское море является «внутренним озером» для НАТО. В свою очередь, России уместно демонстрировать свою неизменную решимость пресечь такой сценарий, действуя прежде всего асимметрично. Здесь огромное значение имеет подчеркивание фактов технологического обновления парка носителей оружия массового уничтожения, готовности их применить при угрозе жизненно важным интересам России.

Едва ли возможно ожидать, что урегулирование украинского конфликта приведет к тому, что европейские «либеральные демократии» согласятся заметно смягчить подходы к «сдерживанию» РФ, пойдут на частичное сокращение системы присутствия под флагом НАТО. В такой ситуации положительным результатом могло бы стать восстановление многосторонней дипломатической координации с целью предупредить перерастание случайных инцидентов в полномасштабный военный конфликт. Реализовать такой шаг в Скандинавско-Балтийском регионе возможно только при готовности к этому МИД Германии и Швеции.

Список литературы

1. Трунов, Ф. О. 2024, Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий», *Контуры глобальных трансформаций*, т. 17, № 6, с. 167 — 185, EDN: ОКМНЛО, <https://doi.org/10.31249/kgf/2024.06.10>

2. Deni, J.R. 2024, The new NATO Force Model: ready for launch?, *NATO Defence College*, №4, 7 p.
3. Трунов, Ф.О. 2022, Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г., *Россия и современный мир*, №4, с. 100—122, EDN: TYNRGV, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>
4. Братерский, М.В. 2025, Экономические перспективы Евро-Атлантического сообщества в период глобальной политической перестройки, *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 22—42, EDN: JYBHJD, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.02>
5. Zilla, C. 2022, Feminist Foreign Policy, *SWP-Aktuell*, №48, 7 p., <https://doi.org/10.18449/2022C48>
6. Белинский, А.В. 2025, В ожидании ревизора: президентские выборы в США и реакция политических партий ФРГ, *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 203—219, EDN: JDOHO0, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.11>
7. Петров, И.И. 2025, Три европейских партийных полюса и начало второго президентского срока Дональда Трампа, *Актуальные проблемы Европы*, №2, с. 43—65, EDN: QSBHСJ, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.03>
8. Waltz, K. 1979, *Theory of International Politics*, Reading, Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company, 250 p.
9. Трунов, Ф.О. 2025, Подход ФРГ к взаимодействию с Республикой Польшей в сфере безопасности и обороны (к середине 2020-х годов), *Балтийский регион*, т. 17, №2, с. 49—72, EDN: VGSTRT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-3>
10. Чернега, В.Н. 2024, «Держава Европа» по Э. Макрону и фактор США, *Актуальные проблемы Европы*, №1, с. 85—105, EDN: GEJOWZ, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>
11. Пронько, В.А. 2000, Военная стратегия после Второй мировой войны, в: Золотарев, В.А. (ред.), *История военной стратегии России*, М., Кучково поле; Полиграфресурсы, с. 377—496.
12. Трунов, Ф.О. 2025, Особенности сотрудничества Германии и Норвегии в военно-политической сфере (конец 2010-х — первая половина 2020-х гг.), *Арктика и Север*, №58, с. 136—158, EDN: VNPQIS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136>
13. Трунов, Ф.О. 2021, Особенности и результаты диалога ФРГ и стран Северной Европы в общеполитической и военной сферах в 2010-е гг., *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 12, №11, EDN: AAOOCH, <https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2>
14. Хорольская, М.В. 2022, Участие Германии в «инициативе трех морей»: перспективы для России, *Балтийский регион*, т. 14, №2, с. 83—97, EDN: MPZHNQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
15. Трунов, Ф.О. 2024, Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты, *Балтийский регион*, т. 16, №1, с. 61—80, EDN: JHXFDT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
16. Major, C., Swistek, J. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, №49, 8 s., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
17. Woelke, M., Keller, A., Müller, T. 2025, Cutting-edge, affordable, ready: Impulse zur Stärkung des europäischen Verteidigungssektors. *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, №3, 6 s.
18. Bring, O. 2008, *Neutralitetens uppgång och fall: eller den gemensamma säkerhetens historia*, Stockholm, Atlantis förlag, 453 p.
19. Paul, M. 2022, Arktische Implikationen des russischen Angriffskrieges, *SWP-Aktuell*, №34, 4 s., <https://doi.org/10.18449/2022A34>
20. Килин, Ю.М. 2017, Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции, *Современная Европа*, №2, с. 65—76, EDN: ZBMDNZ, <https://doi.org/10.15211/soveurope220176576>
21. Плевако, Н.С. 2023, Безопасность Швеции и НАТО: дорога с препятствиями, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, т. 31, №1, с. 26—35, EDN: XHNRTQ, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120232635>

22. Корунова, Е. В. 2024, «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, т. 16, № 3, с. 55—97, EDN: VPZTGG, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97>
23. Forsberg, T., Christiansson, M. 2025, *NATO's Northern Enlargement. Finland and Sweden's Path to Membership*, Bristol, Bristol University Press, 208 p.
24. Смирнов, П. Е. 2023, Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 42—61, EDN: PYLEYX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
25. Чеков, А. Д., Воротников, В. В., Чечевишников, А. Л., Якутова, У. В. 2023, Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, № 10, с. 19—29, EDN: MLEMOR, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29>
26. Коньшев, В. Н., Сергунин, А. А. 2024, О новой военной стратегии США в Арктике, *Арктика и Север*, № 57, с. 226—243, EDN: GENTHS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
27. Новикова, И. Н. 2006, *Между молотом и наковальней: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны*, Санкт-Петербург, EDN: TFALKT
28. Tull, D. M. 2022, *Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik?*, Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 36 S.
29. Трунов, Ф. О. 2024, Роль Германии как «рамочного государства» НАТО, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 46—59, EDN: RSXUBQ, <https://doi.org/10.31857/S0869049924010047>
30. Зверев, Ю. М. 2023, Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 24—41, EDN: HOTSGX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
31. Зверев, Е. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, EDN: SQTQZW, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
32. Schneider, P. 2025, Schutz maritimer Kritischer Infrastruktur in der Ostsee: Braucht es den Schuss vor den Bug?, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, № 4, 7 S.
33. Трунов, Ф. О. 2024, Распределение вклада между «западными демократиями» в сдерживание России и КНР. Опыт использования наземных сил. *Международные процессы*, т. 22, № 1, с. 80—105, EDN: DHGNAW, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.764>
34. Frelin, J., Jakobsson, E., Löfström, A. S. 2025, *NATO's Forward Land Forces. A new type of international military operation for Sweden*, Stockholm, 12 p.
35. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2024, Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации, *Балтийский регион*, т. 16, № 2, с. 4—17, EDN: YQNYSI, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
36. Трунов, Ф. О. 2025, Переизбрание Д. Трампа (2024) и отношения США — ФРГ в сфере безопасности и обороны, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 220—241, EDN: ZHGJRG, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.1>

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

CONTEMPORARY MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN GERMANY AND SWEDEN IN THE CONTEXT OF MILITARISATION: FROM INTERCONNECTEDNESS TO COMPLEMENTARITY

Ph. O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russia

Received 15 December 2025
Accepted 12 February 2026
doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-3
© Trunov Ph. O., 2026

Germany and Sweden have significantly increased military spending and have also sought to dramatically expand their armed forces, distinguishing themselves from several other NATO member states in this regard. A key objective of this militarisation is to enhance their contributions to NATO's deterrence posture against Russia, thereby advancing their respective leadership aspirations within the Alliance. At the same time, cooperation has consistently outweighed competition in German-Swedish security and defence collaboration. This article examines the dynamics and evolution of this military-political partnership in the late 2020s, with particular emphasis on Sweden's NATO accession in March 2024. Methodologically, it draws on political neorealism and theories of armed forces development. Historically, the two states' peaks of power never coincided, sparing them large-scale conflict and creating a favourable backdrop for cooperation. In the mid-1990s, West Germany viewed Sweden's de facto rapprochement with NATO positively. This process gained greater scale and depth amid the Euro-Atlantic confrontation with Russia that intensified after 2014. Germany pursued a strategy of gradual and consistent deterrence; in the mid-2010s, Berlin still considered formal Swedish NATO membership overly provocative, communicating this stance through the N3+1 format (2014–2019), which involved the Nordic EU member states. By the end of the decade, however, Germany had come to accept and actively support Sweden's abandonment of its non-aligned status, as evidenced by the N5+1 platform (from 2019, encompassing all five Nordic states) and high-level bilateral contacts. The study compares both countries' militarisation models. Germany particularly values Sweden's reinstatement of conscription in 2017, which has substantially boosted troop numbers, especially in ground forces. It details Armed Forces cooperation in manning NATO's Enhanced Forward Presence (eFP) battlegroups in the Scandinavian-Baltic region, including geographic burden-sharing. Special focus is given to the risks posed by strengthened German-Swedish eFP contingents, particularly concerning potential attempts to blockade the Kaliningrad region from the east. The conclusions identify the drivers of harmonisation achieved by Berlin and Stockholm in coordinating their military-political plans and actions under NATO auspices.

Keywords:

Germany, Sweden, negotiation formats, militarisation, Baltic region, NATO, deterrence, Russia, Kaliningrad region

References

1. Trunov, Ph. O. 2024, The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies, *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, №6, p. 167—185, <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.06.10>
2. Deni, J.R. 2024, The new NATO Force Model: ready for launch? *NATO Defence College*, №4, 7 p.
3. Trunov, Ph. O. 2022, The evolution of NATO's Forward Presence Force by mid-2022, *Russia and the contemporary world*, №4, p. 100—122, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.04.06>
4. Bratersky, M. V. 2025, Economic prospects for the Euro-Atlantic community in a period of global political restructuring, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, №2, p. 22—42.
5. Zilla, C. 2022, Feminist Foreign Policy, *SWP-Aktuell*, №48, 7 p., <https://doi.org/10.18449/2022C48>
6. Belinsky, A. V. 2025, Waiting for the government inspector: the US presidential election and the reaction of the political parties in the FRG, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, №2, p. 203—219, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.11>
7. Petrov, I. I. 2025, European tripolar space and the beginning of donald trump's second presidential term, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, №2, p. 43—65, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.03>
8. Waltz, K. 1979, *Theory of International Politics*, Reading, Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company, 250 p.
9. Trunov, Ph. O. 2025, Germany's approach to security and defence cooperation with Poland by the MID-2020s, *Baltic Region*, vol. 17, №2, p. 49—72, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-2-3>
10. Chernega, V. N. 2024, "Power Europe" according to E. Macron and the US Factor, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, №1, p. 85—105, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.05>
11. Pronko, V. A. 2000, The military strategy after World War II, *The history of military strategy of Russia*, Moscow, Kuchkovo pole, p. 377—496 (in Russ.).
12. Trunov, Ph. O. 2025, Peculiarities of German-Norwegian Cooperation in the Military-Political Sphere (Late 2010s — First Half of 2020s), *Arctic and North*, №58, p. 136—158, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.58.136>
13. Trunov, Ph. O. 2021, The features and results of the dialogue between Germany and the Nordic Countries in the political and military spheres in the 2010s, *Electronic scientific and educational journal "History"*, vol. 12, №11, <https://doi.org/10.18254/S207987840017776-2>
14. Khorolskaya, M. V. 2022, German participation in the three seas initiative: opportunities for Russia, *Baltic Region*, vol. 14, №2, p. 83—97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
15. Trunov, Ph. O. 2024, Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 61—80, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-4>
16. Major, C., Swistek, J. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, №49, 8 S., <https://doi.org/10.18449/2022A49>
17. Woelke, M., Keller, A., Müller, T. 2025, Cutting-edge, affordable, ready: Impulse zur Stärkung des europäischen Verteidigungssektors, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, №3, 6 S.
18. Bring, O. 2008, *Neutralitetens uppgång och fall: eller den gemensamma säkerhetens historia*, Stockholm, Atlantis förlag, 453 p.
19. Paul, M. 2022, Arktische Implikationen des russischen Angriffskrieges, *SWP-Aktuell*, №34, 4 S., <https://doi.org/10.18449/2022A34>
20. Kilin, Yu. 2017, Neutral states at the crossroad: The issue of Sweden and Finland's membership in NATO, *Sovremennaya Evropa*, vol. 74, №2, p. 65—76, <https://doi.org/10.15211/soveurope220176576>

21. Plevako, N. 2023, The security of Sweden and NATO: road with obstacles, *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, vol. 31, №1, p. 26—35, <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an120232635>
22. Korunova, E. V. 2024, The die is cast: Sweden and Finland's long road to NATO, *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, №3, p. 53—97, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97>
23. Forsberg, T., Christiansson, M. 2025, *NATO's Northern Enlargement. Finland and Sweden's Path to Membership*, Bristol, Bristol University Press, 208 p.
24. Smirnov, P. Ye. 2023, The accession of Finland and Sweden to NATO: geopolitical implications for Russia's position in the Baltic sea region, *Baltic Region*, vol. 15, №4, p. 42—61, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-3>
25. Chekov, A. D., Vorotnikov, V. V., Chechevishnikov, A. L., Yakutova, U. V. 2023, Finland and Sweden joining NATO: consequences for Russia's national security, *World Economy and International Relations*, vol. 67, №10, p. 19—29, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29>
26. Konyshov, V. N., Sergunin, A. A. 2024, On the New US Military Strategy in the Arctic, *Arctic and North*, №57, p. 226—243, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
27. Novikova, I. N. 2006, *Between the hammer and the anvil: Sweden in the German-Russian confrontation in the Baltic during the First World War*, St. Petersburg (in Russ.), EDN: TFLAKT
28. Tull, D. M. 2022, *Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik?*, Berlin, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 36 S.
29. Trunov, Ph. O. 2024, The role of Germany as a NATO «framework nation», *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, №1, p. 46—59, <https://doi.org/10.31857/s0869049924010047>
30. Zverev, Yu. M. 2023, Three Russian Baltic Regions in the context of confrontation between Russia and the West, *Baltic Region*, vol. 15, №4, p. 24—41, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-2>
31. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The Republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic Region*, vol. 14, №3, p. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
32. Schneider, P. 2025, Schutz maritimer Kritischer Infrastruktur in der Ostsee: Braucht es den Schuss vor den Bug?, *Bundesakademie der Sicherheitspolitik Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, №4, 7 S.
33. Trunov, Ph. O. 2024, Burden-sharing between western states in containing Russia and China case of land forces usage, *Mezhdunarodnye Protsessy*, vol. 22, №1, p. 80—105, <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.4>
34. Frelin, J., Jakobsson, E., Löfström, A. S. 2025, *NATO's Forward Land Forces. A new type of international military operation for Sweden*, Stockholm, 12 p.
35. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2024, Exclavity of the Kaliningrad Region: experience of explication, *Baltic Region*, vol. 16, №2, p. 4—17, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
36. Trunov, Ph. O. 2025, The reelection of Donald Trump (2024) and the US — Germany relations in the sphere of security and defense, *Aktualnye problemy Evropy = Current problems of Europe = Urgent Problems of Europe*, №2, p. 220—241, <https://doi.org/10.31249/ape/2025.02.1>

The author

Dr **Philipp O. Trunov**, Leading Research Fellow, the Department of Europe and America, the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

E-mail: 1trunov@mail.ru

